

Но светит нам мораль
И благородства радостно сиянье;
И в них одно звучанье
В честь одного истока мирозданья.
Одно ль, другое тайно производит
Иль каждое восходит
К началу третьему? Поймешь едва ль.
Но добродетель выше и ценней,
Чем благородство, – так сужу о ней.
Где добродетель, там и благородство
(Обратный ход неверен!).
Так, где звезда, там небо, но безмерен
Без звезд простор небес.
Тот в юной даме, кто Амору верен,
Увидит превосходство
Стыдливости, не крепости, – господство
Совсем иных чудес.
И как темно-пурпурный не исчез
Цвет в черном, но от черного родится,
Так в благородстве крепости исток.
И чтоб никто не смог
Наследным благородством возгордиться
(Как если б воплотиться
Полубожественный в нем дух стремится!), –
Скажу, что благородство нам дарует
Лишь Бог. И тот ликует,
Дары приняв, кто низость превозмог.
Но семена бросает Божество
Лишь в гармоническое существо.
Душа, украшенная даром Бога,
До смертного предела,
С тех пор как узы ощутила тела,
Таиться не вольна.
Она нежна, стыдлива и несмела
У юности порога;
Прекрасная, она взирает строго,
Гармонии полна.
Созрев, она умеренна, сильна,
Полна любви и в нравах куртуазна,
Верна, как меч, висящий у бедра;
А в старости – щедра
Предвиденьем, и мудростию властна,
И, радуясь, согласна
О благе общем рассуждать бесстрашно.
Достигнув дряхлости, она стремится
С Всевышним примириться,
Как надлежит, близ смертного одра,
Благословив былые времена.
Но с многих глаз не спала пелена.
Ты, против заблуждающихся, в путь
Отправься; не забудь,
Канцона, там, где дама, – в вышнем круге –
Все рассказать о должности твоей.
Ты, верно, скажешь ей:
«Я о твоём благовествую друге».